

От главного редактора

РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ И ИМПЕРСКИЕ АМБИЦИИ

П.А. Минакир

Минакир Павел Александрович – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, директор. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: minakir@ecrin.ru.

DOI: 10.14530/se.2015.4.007-011

В 2015 г. можно наблюдать бурную реакцию в региональной системе государственного управления на внешне рядовое институциональное событие 2014 г., когда был принят федеральный закон о стратегическом планировании развития субъектов Российской Федерации [3]. Это событие казалось рядовым, имея в виду обыденность законодательных новаций в России, большинство из которых направлены либо на удовлетворение властных амбиций самих законодателей, либо на увеличение административной ренты за счет перераспределения создаваемого экономикой дохода.

Конечно, движение в сторону усиления ответственности регионов не только за поддержание социальной и коммунальной среды на соответствующей территории, но и за финансовое и макроэкономическое равновесие национальной экономики диагностируется уже давно. Акценты в области региональной экономической политики сместились еще на рубеже 1990–2000-х гг., когда она перестала восприниматься не только экспертным сообществом, но и лицами и институтами, принимающими решения, как институциональная дискриминация рыночных агентов, а превратилась в признанный инструмент экономической политики, предназначенный для перераспределения в пользу федерального центра части пространственной ренты от факторов производства [2].

В начале 2000-х гг. основным мотивом усиления внимания к региональной экономической политике являлось опасение, что дальнейшее игнорирование неоднородности экономического пространства, порождающее не просто усиление его фрагментарности, но и расслоение уровней развития регионов, что вело к увеличению потенциала конфликтности в среде субъектов РФ, превратится в реальную угрозу единству страны в политическом, социальном, экономическом аспектах. Этот мотив предопределил выбор основного инструмента региональной экономической политики – перераспределение централизованных финансовых ресурсов в пользу тех или иных

регионов, для решения тех или иных задач на определенных территориях. По существу это была определенная реставрация советского механизма регулирования регионального развития. Разница заключалась в том, что перераспределение осуществлялось в форме маневрирования финансовыми потоками и оказывало косвенное влияние через увеличение государственного инвестиционного спроса и государственных закупок товаров и услуг в определенных регионах, а не вело к прямому увеличению материально-технического и трудового потенциала отдельных территорий.

Однако начиная с середины 2000-х гг. ситуация изменилась. Все отчетливее становился иной мотив в региональной политике – передача на региональный уровень ответственности за модернизацию экономики и поддержание экономического роста, учитывая, что неолиберальная макроэкономическая парадигма оказалась явно несостоятельной с точки зрения обеспечения практической реализации национального проекта «модернизация и инновации». Это привело к фактической передаче на региональный уровень не только все новых и новых расходных полномочий (разумеется, без сопутствующей передачи адекватных по сумме доходных статей), но и обязательств по поддержанию динамического равновесия в национальной экономике. Теоретически это означало признание неединственности состояний равновесия в сложной и пространственно неоднородной экономике. Практически это привело к буму имплантации на региональной почве всевозможных модных и производных от них концепций регионального развития – полюсов роста, кластеров, ТОРов, свободных зон, промышленных парков и пр. Произошло важное, хотя и не сразу замеченное, изменение роли регионов как субъектов государственного регулирования. Сохраняя ответственность за поддержание социального равновесия, региональные элиты приобрели новую функцию – обеспечение экономического роста и увеличение инвестиционного потенциала.

Кризис 2009 г. и последовавшее вслед за чрезвычайно кратковременным восстановительным ростом скольжение в депрессию ускорили перенос центра тяжести в области экономической политики на региональный уровень. Речь идет уже не о неудачах в области модернизации и инноваций, под угрозой оказалась сама экономическая динамика. Все более очевидной становится принципиальная невозможность изменить отрицательный экономический тренд без кардинальных изменений политической парадигмы в экономике. Сидеть на двух стульях (монетаристской концепции либерального рынка и кейнсианской модели государственного регулирования) становится уже не просто неудобно, но и опасно с точки зрения поддержания экономического и социального равновесия. Однако кроме логики экономической существует логика политическая. И последняя имеет гораздо более важное значение с точки зрения принятия конкретных решений в конкрет-

ный период, чем экономическая логика. С точки зрения политического и социального равновесия экономика является всего лишь инструментом, а целью является стабильность власти. Рассуждения об истинности или ложности такого соотношения неуместны. В «нормальных» условиях стабильность власти является гарантом стабильности экономической динамики, обуславливая стабильность выполнения социальных мандатов и, обратно, обеспечивая стабильность самой власти.

В стратегии экономического развития РФ до 2020 г. [1], последняя версия которой была утверждена в 2012 г., была предусмотрена ориентация на усиление региональной компоненты экономической политики вообще и стимулирования экономического роста в частности. Хотя главным содержанием стратегии оставалось форсированное продвижение в направлении либерализации основных механизмов регулирования на национальном уровне и интеграции РФ в «глобальное» институциональное пространство. Реальная жизнь быстро внесла коррективы в эту стратегию. Экономическая ситуация резко осложнилась с 2014 г. Иллюзии о способности монетаристского фундаментализма, превратившегося в каноническую экономическую политику в России, обеспечить динамическое равновесие в экономике и социальной сфере в рамках централизованного управления экономическим развитием стремительно разрушаются. Федеральному центру все труднее поддерживать равновесие даже в пределах одного только финансово-бюджетного сегмента. Реальный сектор экономики, несмотря на оптимистичные заверения министра экономического развития и премьер-министра о грядущей в 2016 г. стабилизации и даже росте, балансирует между глубоким кризисом и вялой депрессией. Надежды на поддержку со стороны девальвации рубля и бум импортозамещения не оправдались и не могут оправдаться, за исключением некоторых секторов (оборонной, пищевой, легкой промышленности) из-за нарушения внешних торгово-экономических взаимосвязей и блокирования финансовых и технологических транзакций.

Осознание того, что необходимо менять экономическую политику, не приходит сразу. Пока, похоже, это осознание приняло форму разделения двух (вообще-то неразрывных) ипостасей экономической политики: финансово-бюджетной и структурно-технологической. Первая остается неизменно либерально-глобалистской, а в отношении второй не только допускается, но и активизируется курс на «достижение новых горизонтов». Но и здесь не все так просто. Уния структурной и финансово-бюджетной политики на макроуровне чрезвычайно сильна, две эти стороны государственной экономической политики тесно взаимосвязаны. Невозможно менять одну и не трогать вторую. Поэтому структурно-технологическая политика в свою очередь разделена фактически на две части: национальную структурную политику и региональную политику. Национальная политика фактически со-

средоточена на поддержании сырьевого статус-кво российской экономики плюс обеспечение устойчивости государственных корпораций. Однако понимание того, что этого недостаточно в современных условиях, а на самом деле уже давно стало недостаточным, заставляет искать варианты реальной модернизации экономики, повышения ее конкурентоспособности в глобальном аспекте. И перенос центра тяжести национальной политики модернизации на уровень регионов является одним из таких вариантов.

Логично было бы предположить, что этот вариант политики модернизации будет включать в себя в качестве основного элемента стимулирование внутренних ресурсов ключевых с точки зрения потенциала модернизации регионов с целью их использования для реального изменения ситуации в целом по национальной экономике. Однако такая логика не соответствует принципам имперской экономики, в которой регионы являются не более чем бесправными провинциями, задача которых состоит в приумножении благосостояния метрополии. Кроме того, стимулирование регионов явно противоречит псевдоканонической концепции государственной региональной политики, в соответствии с которой все регионы должны быть если и не равны, то уж во всяком случае среди них не должно быть «планово убыточных».

Как результат этих заблуждений и появился, очевидно, вышеупомянутый закон о региональном стратегическом планировании, в соответствии с которым каждый субъект федерации должен представить свою стратегию на 15-летний период, а в стратегии этой предусмотреть «прорыв», «новое качество», «новые горизонты» и т. п. При этом никаких изменений в тенденциях и нормативах распределения доходов между центром и регионами не предполагается. То есть регионам предлагается воспользоваться рецептом барона Мюнхгаузена и самим себя буквально «вытащить из болота».

Нужно сказать, что субъекты РФ вполне предсказуемо дружно восхитились предоставленной возможностью и начали соревноваться друг с другом в формулировании целей будущего развития и проектов, предполагающих скачок в новое экономическое измерение [4; 5]. Конечно, никакого практического смысла в этих построениях не существует, одновременное стремление всех территориальных подсистем к построению неких замкнутых идеальных экономик при полном отсутствии реальных ресурсов свидетельствует лишь о проектировании виртуальной аддитивной системы, в которой части не связаны между собой ни иерархическими, ни кооперационными взаимодействиями. Вместе с тем некоторый идеалистический смысл в этих построениях все-таки существует. Удивительное идейное и структурное подобие различных территориальных стратегий свидетельствует не просто о широко практикуемой системе интеллектуальных заимствований, но прежде всего о том, что возникает определенный стандарт представлений о содержании, уровне и качестве целей и средств их достижения, имея в виду

субъекты РФ. Этот стандарт, при всей виртуальности отражаемой стратегиями национальной экономики, становится или может стать тем ориентиром, на который придется равняться и самому федеральному центру, что может рано или поздно заставить его принять правила поведения и взаимоотношений, которые сейчас зарождаются в ходе игры, навязанной провинциям, но имеющей шанс видоизменить образ мыслей и стратегию самой метрополии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. URL: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf> (дата обращения: 24.10.2015).
2. Минакир П.А. Пространственный междисциплинарный синтез: опыт программных исследований // Регион: экономика и социология. 2014. № 4. С. 3–31.
3. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон № 172-ФЗ от 28.06.2014 г. // Система ГАРАНТ.
4. Стратегия социально-экономического развития Калужской области до 2030 года. Человек – центр инвестиций. URL: <http://export40.ru/upload/investment/strategy.pdf> (дата обращения: 10.11.2015).
5. Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года. URL: http://pravo.tatarstan.ru/rus/gossov/zakon.htm/?npa_id=4431 (дата обращения: 18.11.2015).

REGIONAL STRATEGIES AND IMPERIAL AMBITIONS

P.A. Minakir

Minakir Pavel Aleksandrovich – Academician, Professor, Doctor of Economics, Director. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: minakir@ecrin.ru.

REFERENCES

1. *Final Report on the Results of Expert Work for Actual Problems of Socially-Economic Strategy of Russia for the Period up to 2020*. Available at: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf> (accessed 24 October 2015). (In Russian).
2. Minakir P.A. Spatial Interdisciplinary Synthesis: Programmatic Research Practices. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2014, no. 4, pp. 3–31. (In Russian).
3. *On Strategic Planning in the Russian Federation: Federal law No. 172-FZ of 28.06.2014*. System «GARANT». (In Russian).
4. *Strategy for Socio-Economic Development of the Kaluga Territory till 2030. Human is Center of Investment*. Available at: <http://export40.ru/upload/investment/strategy.pdf> (accessed 10 November 2015). (In Russian).
5. *Strategy for Socio-Economic Development of the Tatarstan Republic till 2030*. Available at: http://pravo.tatarstan.ru/rus/gossov/zakon.htm/?npa_id=4431 (accessed 18 November 2015). (In Russian).